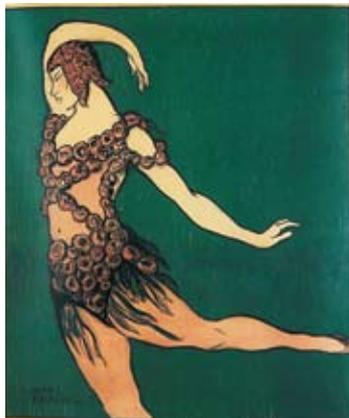

Жан Кокто. Плакат с изображением Тамары Карсавиной в балете «Призрак розы», 1911

Жан Кокто. Плакат с изображением Вацлава Нижинского в главной партии балета «Призрак розы», 1911

Михаил Бобышев. «Михаил и Вера Фокины в балете "Карнавал"», 1916

Михаил Ларионов. «Портрет Сергея Дягилева»

Сцена из балета «Ода». Фото, 1928

Тамара Карсавина в роли Жар-птицы в спектакле «Жар-птица». Фото, 1910

Адольф Больм в роли половчанина в спектакле «Половецкие пляски». Фото, 1909

художник явно доминирует над хореографом. К последним относятся, например, «Русские сказки» 1916–1917 годов, которые шли в оформлении Михаила Ларионова. Авангард и примитивизм смешались в его декорациях и жестких массивных костюмах (из собрания ГТГ): по фотографии из ГРМ ясно, что в таких одеждах волюно танцевать практически невозможно — спектакль походил скорее на «ожившую картину». На рисунке Мишеля Жорж-Мишеля (из зарубежной коллекции) изображена премьера спектакля «Парад» в парижском театре Шатле в 1917 году: на сцене видны персонажи, одетые в абстрактно-кубистические костюмы Пабло Пикассо, в ложе переглядываются довольные авторы — а в переполненном зале творится что-то невообразимое. Публика вскакивает с мест, кричит, а самые яростные сторонники старой и новой эстетики сцепились в драке.

Декорации и костюмы к «Клеопатре» 1918 года делали Робер и Соня Делоне. Сохранившийся костюм в стиле орфизма, в

котором Любовь Чернышева принимала на сцене египетские профильные позы (ничего другого в таком сделать было нельзя), будет на выставке. Хореографическую пантомиму «Шут» 1921 года ставил художник Михаил Ларионов — ее персонажи, солдат и шуты, буквально сошли с его ранних примитивистских картин (костюмы из клеенки и раскрашенного вручную холста сохранились в стокгольмском Музее танца).

Размаху выставки вполне отвечает ее самый большой экспонат — настоящий занавес размером десять на десять метров, написанный по эскизу Пабло Пикассо художником Александром Шервашидзе с такой точностью, что довольный Пикассо подписал его: «Посвящается Дягилеву. Пикассо». Занавес создан к коротенькому опусу 1924 года «Голубой экспресс», показывавшему времяпрепровождение золотым молодежи. Костюмы, близкие к бытовому — вязаные шортики, туники и юбочки, — делала Коко Шанель.

Одноактный балет «Кошка» 1927 года оформляли братья-конструктивисты Наум Габо и Антон Певзнер. В костюмах, известных по фотографиям и эскизам, Габо использовал те же принципы, что и в своей абстрактной скульптуре, — прозрачные поверхности, прорезанные пустотами. Рампа становится центром мироздания в сценографии авангардиста Георгия Якулова — созданные по его эскизам (сохранились в архиве Бориса Кохно, секретаря Сергея Дягилева) гигантские механизмы задавали ход балету «Стальной склок» на музыку Сергея Прокофьева. «Ода» по стихотворению Михаила Ломоносова в оформлении сюрреалиста и мистика Павла Челищева претендовала на космический масштаб: на сцене сходились планеты и центр мироздания — человек, на костюме которого фосфором размечено золотое сечение (философский балет в репертуаре труппы не задержался).

Выставка — не прямое повествование о вкладе «Русских сезонов» в мировую культуру.

Хронологический принцип расположения произведений перемешан с тематическим, а в одном из залов окажутся даже современные арт-объекты и видеоинсталляции, вдохновленные дягилевскими спектаклями.

В эти же дни выставка к столетию «Русских сезонов» проходит и в Эрмитаже. Кураторы, выбирая экспонаты из эрмитажной коллекции, сосредоточились на глобальных теоретических вопросах, например о глубинном влиянии танца на изобразительное искусство. Полотно Эдгара Дега (привезенное из музея Орсе), произведения Анри Тулуз-Лотрека, Анри Матисса и Марка Шагала должны проиллюстрировать «литературность» XIX века, «музыкальность» символизма и «танцевальность» модернизма первых десятилетий XX века.

Москва, Третьяковская галерея на Крымском валу, с 28 октября по 31 января;
Петербург, Эрмитаж, до 17 января